

Літоўскага, Рускага і Жамойцкага ў сістэме нарматыўнага рэгулявання фінансавання соймавых паслоў у другой палове XVI – пачатку XVII ст. / А. А. Радаман // Весці БДПУ. – 2005. – № 4. Серыя 2. – С. 16–21.

11. Русская историческая библиотека : в XXXIX томах / Археографическая комиссия; И. Лаппо. – Юрьев: типография К. Маттисена, 1872–1927. – Т. XXX. – 1914. – 896 с.

12. Kutrzeba, S. Historia ustroju Polski w zarysie. Tom II: Litwa / S. Kutrzeba. – Lwów: nakł. Księgarni Polskiej Bernarda Połonieckiego ; Warszawa : Gebethner i Wolff, 1914. – 248 s.

УДК 930

НЕКОТОРЫЕ ТРЕНДЫ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ И НАШИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ГОРОДЕ В ВКЛ

**Дворниченко Андрей Юрьевич, доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории России с древнейших времён до XX века
Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ),
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация**

Ключевые слова: немецкоязычная историография, Великое княжество Литовское, город.

Реферат. Представления немецкоязычной историографии XX века автор старается соотнести с концепцией восточноевропейской науки и, прежде всего, с идеями той школы, к которой сам относится. Это идеи о древнерусском городе, как общинном центре волостного организма, о вече, как демократической форме управления и самоуправления в древнерусском обществе. Такой городской строй продолжал жить и в последующий «литовский» период, что нашло отражение и в западной исторической науке.

Историческая наука Германии¹ всегда живо интересовалась историей Великого княжества Литовского. Может, величина её вклада в изучение этой темы и пасует по сравнению с польской литуанистикой или с немецким же «пруссоведением», но этот дар немцев международной литуанистике (под ней понимаю изучение ВКЛ) надо оценить по достоинству. Как я уже пытался в своё время показать, немецкая историография в восприятии восточнославянского города неким парадоксальным образом оказалась в определенной зависимости от российской историографической

¹ Уверен, что стоит говорить даже не о немецкой в узком смысле слова, а о немецкоязычной историографии, также, как надо говорить, например, об англосаксонской.

традиции, которая была перенесена на западную почву эмигрантами из России¹. Речь в данном случае идёт о «долитовском» периоде, то есть о времени Киевской Руси (IX–XII вв.). Выяснилось, что германские историки, которых в советской исторической науке не очень жаловали, благодаря российским эмигрантам писали о Древней Руси, как о палладиуме демократии, находя в ней все атрибуты той концепции, которую я условно называю «демократической». Это идеи о наличии в Древней Руси городов-государств (волостей, земель), о своего рода иерархии таких городов-государств, о главенстве в каждом таком «городе-государстве» непосредственной демократии, ярчайшим образом отражавшейся в деятельности вечевых собраний, о своеобразной, архаичной ещё роли князя, отсутствии такой химеры, как феодализм и т. д.

Такая концепция во второй половине XIX – начале XX вв. была господствующей в российской науке, оформившись в трудах историков и историков-юристов разных научных школ, направлений и центров имперской России². А дальше возникла парадоксальная ситуация: в работах немецких «остфоршеров» эта патриотическая русская идея продолжала жить, а в СССР под давлением большевизации исторической науки она стала уходить на задний план, пока истина не была восстановлена школой И. Я. Фроянова³. Конечно, в немецкой науке также не было единства. Были и противники такого подхода, среди которых выделяется К. Цернак. Интересовался он, в основном, древнерусским вече и, вроде бы, ярко изобразил древнерусский волостной строй во всей его красе: здесь и вече, которое происходит в главном городе волости, здесь и сама эта волость, которая подчиняется главному городу, причём, волость и появляется, когда ей надлежит появиться – во второй половине XI в.⁴

Однако, объяснение этому строю даёт он весьма странное. Ему не нравится идея «дореволюционной» русской историографии о «вечевом быте» в Киевской Руси, который, как он почему-то считает, противопоставлялся княжескому строю. Хотя, не принимает он и утверждения марксистских историков о классовой борьбе в древности. И тогда он придумывает свою концепцию, исходя из того, что в древности у всех народов была такая терминологическая пара: «*princeps – populus*», отражавшая суть представлений о социальных отношениях. На Руси этому соответствует летописная формула «князь – люди», препарируя которую историк выходит на «мужей – бояр» и на стоящих ниже ступенькой – людей.

¹Дворниченко А. Ю. Древнерусский политогенез в германской историографии // «Былые годы». 2014. № 34 (4). С. 487–497. Стоит отметить, что эти идеи вошли и в англо-саксонскую науку и не давали ей зайти в тупик вплоть до последнего времени, когда, к величайшему сожалению, это русское влияние значительно ослабло.

²Дворниченко А. Ю. Зеркала и химеры. О возникновении древнерусского государства. СПб., Евразия; М., ИД КЛИО, 2014 (2-е издание – 2017).

³Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л.: Изд-во ЛГУ, 1980; Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. См. работы учеников И. Я. Фроянова.

⁴Klaus Zernack. 1) Die burgstädtischen Volksversammlungen bei den Ost- und Westslaven. Studien zur verfassungsgeschichtlichen Bedeutung des Veče. Wiesbaden, 1967. S. 112, 118, 131–133ff; 2) Fürst und Volk in der ostslavischen Frühzeit // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Wiesbaden, 1973. S. 13ff.

Отсюда делался кардинальный вывод о том, что именно знать заседала в древних народных собраниях, а появившееся в середине XI в. вече никак не связано с древним славянским народовластием, в которое историк, кстати, и не очень-то верит¹. Вече родилось тогда, когда на авансцене истории появились «люди градские», которые могли возглавить народное собрание. Другой важнейшей предпосылкой его появления была победа отчинного принципа,² усиление власти князей над землями. Вече в этих условиях – это, с одной стороны, партнёр князя, а, с другой, орган власти, корректирующий действия князя в пользу знати и горожан. Интересно, что противостоя советской исторической науке, Цернак, фактически, постарался опереться на работы М. Н. Тихомирова, которые можно назвать «коммунальным» подходом к древнерусскому городу. Дескать, на Руси формировалось некое городское сословие, борющееся за свои права, здесь горожане сражались с сеньорами и т. д.³ Концепция эта не выдержала испытания временем...

Цернак пытался привлечь и сравнительно-исторический материал: древнерусское вече сравнивается с народными собраниями у западных славян. Более того, эти наблюдения вливаются в русло изучения парламентских форм⁴. Такой характер веча определяет и его дальнейшую судьбу. На Северо-Востоке (Владимирская Русь) оно отмирает ввиду усиления княжеской власти и монгольского вторжения. Галицкая Русь всё больше начинает походить на западные образцы, где не вече, а, по крайней мере, предпарламент⁵.

Своим путём идёт Новгород. Он не стал отчиной одной династии и привилегии княжеского «партнёра» необычайно развились, сформировалось вече *de facto* самоуправляющегося города-государства. Впрочем, это вече мало походило на остальные вечевые собрания домонгольской Руси⁶. Не случайно К. Цернаку так понравилась концепция В. Л. Янина об изначальном аристократизме, который расцвёл в волховской столице⁷.

Неисповедимы пути господне и научные! Идеи Цернака (весьма смутные и непонятные) были подхвачены некоторыми современными российскими историками, которые попытались дезавуировать наши идеи о социальном и политическом строе Древней Руси. Эта попытка оказалась неудачной⁸. Но Киевскую

¹Klaus Zernack. Die burgstädtischen Volksversammlungen ... S. 82, 257.

²Ibid. S. 133.

³Ibid. S. 144–145; 265–266.

⁴Klaus Zernack. Fürst und Volk in der ostslavischen Frühzeit... S. 23.

⁵Klaus Zernack. Die burgstädtischen Volksversammlungen ... S. 112.

⁶Klaus Zernack. Fürst und Volk in der ostslavischen Frühzeit... S. 15

⁷Klaus Zernack. Die burgstädtischen Volksversammlungen ... S. 182. На защиту древнерусской демократии встал ни кто иной, как В.Т. Пашуто, который, вообще-то, активно выступал против идей И. Я. Фроянова. В своей рецензии на работу германского историка он писал: «Стремясь доказать ошибочность тезиса советской исторической науки о вече как отмирающем свидетельстве былого народовластия патриархально-общинных времён..., он (К. Цернак – А.Д.) отбрасывает целый ряд свидетельств о вече» (Пашуто В. Т. В ущерб истине (По поводу книги о русском вече) // История СССР, 1968. № 5. Сентябрь – октябрь. С. 235).

⁸Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси: старые истины, «новые подходы» и некоторые перспективы изучения // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях: научный журнал / Санкт-Петербургская Духовная Академия, СПб: издательство СПбПДА, выпуск №2 (10): Материалы научной конференции «Властные, социальные и религиозные институты Древней Руси: история взаимовлияния и взаимодействия», Санкт-Петербург, 21–22 и 25–26 июня 2018 года. 2018. С. 6–23.

Русь я сейчас вспомнил потому, что для немецкой, как и для русской исторической науки, несомненен урбанистический континуитет Древней Руси и ВКЛ.

Древнерусские города, оказавшись в составе ВКЛ, стали играть там выдающуюся роль, тем более что земли «коренной» Литвы, как известно, городами были небогаты. Во всяком случае уже сформировавшимися городами. Идея «дореволюционной» российской науки и характере городского строя в славянских землях ВКЛ¹, также, как и в случае с Древней Русью оказались востребованными со стороны немецкоязычной науки. А идеи эти, если сказать сугубо кратко, сводятся к сохранению городами ВКЛ характера и черт древнерусских городов-государств.

Эти идеи нашли отражение в книге, которая вышла в середине 50-х гг. Принадлежит она перу интересного историка, который, похоже, мог бы написать и больше. Когда читаешь его биографию, всё время выплывают какие-то мешавшие ему «политические мотивы», что и неудивительно, поскольку жизнь его пришлось на время войн – горячих и холодных². Хорст Яблоновский посвятил свою книгу положению и политическим настроениям русского населения ВКЛ в XV столетии³, но труд его крайне интересен для изучения города, прежде всего, как центра той или иной земли. Изучение историографии показало ему, что историки давно уже делятся на противоборствующие группы как раз касательно настроений в западнорусском обществе⁴. Я бы мог сейчас придраться к историографическому обзору, но делать этого не буду – главное противоречие между историками Яблоновски уловил прекрасно.

Самостоятельно изучение территориального развития ВКЛ убедило его в весомости и значимости русских земель во главе с городами в этом государстве⁵. Рассмотрев кратко, но емко униатский (политический) процесс, историк подводит читателя к вопросу о его влиянии на отношения народов в государстве. Для этого он обращается к политическому положению русских областей с их русским населением. Оказалось, что политика «старинь» привела к сохранению многих черт прежних городов-государств: даже наместники наследовали функции древнерусских князей, а в ряде регионов в первоизданном виде сохранилось вече⁶. Соответственно, и положение князей, бояр, горожан оставалось прежним, лишь начиная медленно меняться под воздействием привилеев, выдаваемых центральной литовской властью. На горожан особенно влияло немецкое (магдебургское право)⁷.

¹Дворниченко А. Ю. 1) Русские дореволюционные историки о городском строе Великого княжества Литовского // Генезис и развитие феодализма в России. Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. С. 90–102; 2) Дворниченко А. Ю. Городская община Верхнего Поднепровья и Подвинья в XI–XV вв. М.: Изд-во «Весь Мир», 2013. С. 99–106.

²См.: Rhode Gotthold. Horst Jablonowski, 1914–1970 // Rußland, Polen und Deutschland. Gesammelte aufsatze. Köln–Wien: Böhlau Verlag, 1972. S. 441–453. Был учеником выдающегося историка О. Хётча.

³Jablonowski Horst. Westrussland zwischen Wilna und Moskau. Die politische stellung und die politischen tendenyen der Russischen bevölkerung des Grossfürstentums Litauen im 15. Jh. Leiden: E. J. Brill, 1955. (Studien zur Geschichte Osteuropas. Band 2.) В основе – диссертация, защищенная Яблоновским в Свободном университете Берлина.

⁴Ibid. S. 6

⁵Ibid. S. 11–22.

⁶Ibid. S. 35–36

⁷Ibid. S. 39, 46–48.

Рассмотрение положения православной церкви убедило историка в том, что гонениям она в это время не подвергалась. Его не убедило в обратном и рассмотрение драматической борьбы за митрополию.¹ С большим интересом исследователь рассмотрел политический «стандарт» летописей. Оказалось, что он непросто: общерусские тенденции совмещаются в них со своего рода «литуанизацией». Как бы то ни было, но враждебных традиций он в летописании не обнаружил².

Политические устремления в русских областях Яблоновски несколько схематично, но эмпирически умело свёл к трём ориентациям: на автономное положение, литовская ориентация и московская. Причём, надо отдать должное историку – он видел сложность выделения какого-либо одного вектора. Легче всего стремление к автономии ему было заметить на материалах Смоленска, Киева и Волыни. Да и здесь боролись разные силы. Наиболее чётко промосковские «симпатии» проявились в верховских княжествах и рядом, но не было ли это результатом сильного московского давления³? Литовская ориентация наблюдалась даже, как известно, и в Великом Новгороде, что же говорить о тех землях, которые вошли непосредственно в состав ВКЛ.

Тут я не могу не отметить, что немецкий историк тонко чувствует древнерусский материал. Примечателен спор, который возник у него с Р. Бёхтольдом, который утверждал, что Юрий Лунгвеньевич хотел учредить в Смоленске некое государство⁴. На это Яблоновски замечает, что речь тут идёт о земле (Смоленской), как о действующем политическом факторе, но всё-таки не об отдельном государстве⁵.

Конечные выводы историка уже ясны: борьба в ВКЛ разгорается в XVI в., а само ВКЛ – это культурная сфера между восточными и западными славянами и в то же время буферная зона между Польшей и Россией, а значит между Россией и Западом, в которой сохраняются яркие черты древнерусской урбанистической истории⁶. В рецензии подчёркивались разнообразные достоинства работы: методическая четкость, продуманность всей структуры работы и т. д.⁷.

К сожалению, в отличие от древнерусских сюжетов, в области истории ВКЛ влияние дореволюционной науки не проникло так глубоко и широко в немецкоязычные умы. Полагаю, что это обусловлено целым рядом факторов, анализ которых заслуживает отдельной работы. Ясно одно: слабость такого влияния ослабила и сами историографические подходы.

И это сказалось на изучении города, который привлекает немецкую науку. Работающий в Пассау швейцарец С. Родевальд написал содержательную книгу о

¹Ibid. S. 54–55, 74–100.

²Ibid. S. 61–73.

³Ibid. S. 132.

⁴Jablonowski Horst. Westrussland zwischen Wilna und Moskau ... S. 191.

⁵Ibid. S. 108.

⁶Ibid. S. 154–155.

⁷Rudolf Bächtold. [Rec.:] Jablonowski Horst. Westrussland zwischen Wilna und Moskau // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Neue Folge, Bd. 4. H. 1. 1956. P. 72–73.

Полоцке¹. Среди его заслуг и то, что он организовал конференцию, посвященную истории ВКЛ, материалы которой были изданы². Историю Полоцка он взял с X по XX в. Такие вычурные с нашей точки зрения труды стали в какой-то момент популярны на Западе. Но только не касательно Полоцка: его история входит в несколько эпох, каждая из которых порождает вопросы, требующие обширных ответов.

Швейцарский исследователь, когда речь идёт о древнерусской эпохе, полемически заострён против моего подхода. Причём, судя по всему, считает его некоторым отклонением от нормы. Тут можно было бы посоветовать ему расширить историографический горизонт – тогда бы он заметил, что «демократическая» концепция древнерусской истории – своего рода бренд русской историографии. Тут не мной, ни даже И. Я. Фрояновым дело не ограничивается³. Да и норма-то что? Подход, разработанный на материалах и методиках изучения немецких городов со времён славного Л. Ранке⁴. Как говорили в той же Одессе, Полоцк и германские города – «две большие разницы».

А что же сам Родевальд? Полемизируя, он не хочет видеть ни различий в древнерусских периодах, ни древнерусской городской общины⁵. Сам он последователь К. Цернака, который не хотел видеть в восточнославянском городе ни веча, ни общины, ни городской волости, чем, кстати, как уже было отмечено, возмутил даже В. Т. Пашуто, далекого от воспевания самодеятельности народа в средневековой нашей истории⁶. Ну, раз нет общины в Киевской Руси, то дальше легче вписать Полоцк в некую модель «северовосточноевропейской истории»⁷. Эх, господин Родевальд!

Такая модель в реальности никогда не существовала и существовать не может. И мне довелось бывать в разных городах и весях. Славянский Полоцк и немецкий Бремен и летто-немецкий Рига – это разные миры⁸! К сожалению, ослабление славянского влияния в научной сфере плохо действует на западную науку – она тогда временами заходит в тупик...

¹Rohdewald Stefan. „Vom Polocker Venedig“. Kollektives Handeln sozialer Gruppen einer Stadt zwischen Ost- und Mitteleuropa (Mittelalter, frühe Neuzeit, 19. Jh. bis 1914). Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2005 (Quellen und Studien zur Geschichte des östlichen Europas. Band 70).

²Litauen und Ruthenien. Studien zu einer transkulturellen Kommunikationsregion (15. – 18. Jahrhundert) / Lithuania and Ruthenia. Studies of a Transcultural Communication Zone (15th–18th Centuries) / hg. v. Stefan Rohdewald, David Frick, Stefan Wiederkehr. (= Forschungen zur osteuropäischen Geschichte, Bd. 71). Wiesbaden, 2007.

³Интересно, что российские эмигранты «заразили», как я уже отметил, этой теорией даже немецких ученых – просто Родевальд этого не знает – он же швейцарец. См.: Дворниченко А. Ю. Зеркала и химеры ... С. 406–415.

⁴На это обратил внимание и автор белорусской рецензии: Капраль Мірон. Гісторыя Полацка ў выкладзе швейцарскага гісторыка // БГА. 2009. Том 16. Сп. 2 (31). Снежань. С. 624–625. Примерно такую методику применяет и другой немецкий автор: Werdt Christophe von. Stadt und Gemeindebildung in Ruthenien: Okzidentalisation der Ukraine und Weissrusslands im Spätmittelalter und in der frühen Neuzeit (= Forschungen zur osteuropäischen Geschichte, Bd. 66). Wiesbaden, 2006.

⁵Rohdewald Stefan. „Vom Polocker Venedig“ ... С. 42, 46–47, 51.

⁶Дворниченко А. Ю. Зеркала и химеры ... С. 410–411.

⁷Rohdewald Stefan. „Vom Polocker Venedig“ ... С. 108, 119–120 и др.

⁸М. Капраль считает, что такая «макрометодика» не позволяет разглядеть Родевальду уникальные особенности Полоцка (Капраль Мірон. Гісторыя Полацка ... С. 630). Полагаю, что беда не в этом, а в том, чтобы не можем при такой методике адекватно понять историю славянского города.

Список используемых источников:

1. Дворниченко, А. Ю. Русские дореволюционные историки о городском строе Великого княжества Литовского // Генезис и развитие феодализма в России. Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. – С. 90–102.
2. Дворниченко, А. Ю. Городская община Верхнего Поднепровья и Подвинья в XI–XV вв. М.: Изд-во «Весь Мир», 2013. – С. 99–106.
3. Дворниченко А. Ю. Древнерусский политогенез в германской историографии // «Былые годы». 2014. – № 34 (4). – С. 487–497.
4. Дворниченко, А. Ю. Зеркала и химеры. О возникновении древнерусского государства. СПб.: Евразия; М.: ИД КЛИО, 2014. – 56 с.
5. Дворниченко, А. Ю. Города-государства Древней Руси: старые истины, «новые подходы» и некоторые перспективы изучения // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2018. – С. 6–23.
6. Капраль Мірон. Гісторыя Полацка ў выкладзе швейцарскага гісторыка // БГА. 2009. – Том 16. – Сш. 2 (31). Снежань. – С. 624–625.
7. Пашуто, В. Т. В ущерб истине (По поводу книги о русском вече) // История СССР, 1968. – № 5. Сентябрь – октябрь. – С. 235.
8. Фроянов, И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л.: Изд-во ЛГУ, 1980. – 256 с.
9. Фроянов, И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. Л.: Изд-во ЛГУ, 1988.
10. Jablonowski Horst. Westrussland zwischen Wilna und Moskau. Die politische stellung und die politischen tendenyen der Russischen bevökerung des Grossfürstentums Litauen im 15. Jh. Leiden: E. J. Brill, 1955. (Studien zur Geschichte Osteuropas. Band 2.) – 167 s.
11. Klaus Zernack. Die burgstädtischen Volksversammlungen bei den Ost- und Westslaven. Studien zur verfassungsgeschichtlichen Bedeutung des Veče. Wiesbaden, 1967. S. 112, 118, 131–133ff.
12. Klaus Zernack. Fürst und Volk in der ostslavischen Frühzeit // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Wiesbaden, 1973. – S. 13ff.
13. Rhode Gotthold. Horst Jablonowski, 1914–1970 // Rußland, Polen und Deutschland. Gesammelte aufsatze. Köln–Wien: Böhlau Verlag, 1972. – S. 441–453.
14. Rudolf Bächtold. [Rec.:] Jablonowski Horst. Westrussland zwischen Wilna und Moskau // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Neue Folge, Bd. 4. H. 1. 1956. – P. 72–73.
15. Rohdewald Stefan. "Vom Polocker Venedig". Kollektives Handeln sozialer Gruppen einer Stadt zwischen Ost - und Mitteleuropa (Mittelalter, frühe Neuzeit, 19. Jh. bis 1914). Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2005 (Quellen und Studien zur Geschichte des östlichen Europas. Band 70). – 588 s.
16. Litauen und Ruthenien. Studien zu einer transkulturellen Kommunikationsregion (15–18 Jahrhundert) / Lithuania and Ruthenia. Studies of a Transcultural Communication Zone (15th–18th Centuries) / hg. v. Stefan Rohdewald, David Frick, Stefan Wiederkehr. (= Forschungen zur osteuropäischen Geschichte, Bd. 71). Wiesbaden, 2007. – 368 s.

17. Werdt Christophe von. Stadt und Gemeindebildung in Ruthenien: Okzidentalisation der Ukraine und Weissrusslands im Spätmittelalter und in der frühen Neuzeit (= Forschungen zur osteuropäischen Geschichte, Bd. 66). Wiesbaden, 2006. – 326s.

УДК 930.1

К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ УКРЕПЛЕННЫХ ПОСЕЛЕНИЙ ДРЕВНИХ СЛАВЯН: ГОРОДА, ЗАМКИ, КРЕПОСТИ

**Долгов Вадим Викторович, доктор исторических наук, доцент, профессор
кафедры истории России
Удмуртский государственный университет,
г. Ижевск, Российская Федерация**

Ключевые слова: Древняя Русь, типология укрепленных поселений, город, крепость, замок, славяне.

Реферат. В статье рассматриваются первые опыты разработки археологической классификации укрепленных поселений восточных славян в отечественной исторической науке. Типологии эти были разработаны П. А. Раппопортом и В. И. Довженком.

Главная теоретическая проблема, которую стремились решить оба исследователя заключалась в необходимости согласовать разнообразный фактический материал с марксистской формационной моделью, которая ранее была намечена в книге корифея отечественной науки акад. М. Н. Тихомирова. Тихомиров обозначил, что город – это центр ремесла и торговли, аккумулировавший прибавочный продукт прилегающей сельской округи. Раппопорт и Довженок должны были определить археологические маркеры, которые бы соответствовали этой магистральной идее.

Одно из первых обращений к теме археологической классификации древнерусских поселений было предпринято известным советским историком архитектуры и археологом П. А. Раппопортом в небольшой статье, опубликованной в 1967 г. Эта статья была посвящена скорее постановке вопросов, чем формулировке ответов. Раппорт исходил из того же понимания города, что и М. Н. Тихомиров. Город для него – это торгово-ремесленное поселение [3, с. 3]. Однако, взявшись за создание типологии, он двигался более последовательно, и поэтому неизбежно входил в противоречие с выводами академика.

Тихомиров, с одной стороны, утверждал, что не все города в древнерусском смысле слова могут быть признаны таковыми с позиции марксистской науки, с другой, по ходу повествования зачислял в число городов всё, что встречалось на страницах летописей. Между тем, Раппопорт указывал, что некоторые из упомянутых